

**ДНЕВНИК М.И. РАТМАНОВА —
НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ
О ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ КРУГОСВЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

Среди участников первой российской кругосветной экспедиции до сих пор остается в тени первый лейтенант корабля «Надежда» и фактически помощник капитана Крузенштерна Макар Иванович Ратманов. Как и другие участники плавания, он вел интересный дневник, доньше не получивший должного научного освещения и не опубликованный.

Род Ратмановых известен с XVII в. Макар Иванович родился в Псковской губернии, где располагалось поместье его отца. Обычно датой рождения Ратманова считается 7 июля 1772 г., но, судя по сведениям из его дневника, он родился 25 июля 1770 г. Макар Ратманов участвовал в Русско-шведской войне и Средиземноморском походе адмирала Ф.Ф. Ушакова. Ратманов осаждал Корфу и Анкону, командовал бригаantinoй в морских боях, брал с бою города и деревни и вел дипломатические переговоры.

В 1801 г. Ратманов возвратился в Россию; с Черного моря его перевели на Балтику. В 1802 г. во время подготовки первого российского кругосветного плавания капитан-лейтенант И.Ф. Крузенштерн, которому предоставили право самому выбирать офицеров, пригласил его на свой шлюп «Надежда» лейтенантом. В ходе плавания в 1804 г. М.И. Ратманов был произведен в капитан-лейтенанты и награжден в 1806 г. орденом Св. Георгия 4-й ст. за выслугу 18 морских кампаний.

В Центральном военно-морском музее сохранился литографический портрет Ратманова в последние годы жизни, в эполетах и орденах. Оригинал портрета кисти Ф.А. фон Моллера находится в Русском музее. В дополнение к портрету скажу, что Ратманов был рыжим (участники плавания его так и называли — «Рыжий», как Ю.Ф. Лисянского — «Каурым»). Он громогласно командовал на шканцах, был прямодушен до грубости, критиковал всех и вся, в том числе и капитана Крузенштерна.

Это становится понятно, если принять во внимание, что Ратманов был ровесником Крузенштерна и, соответственно, старше Лисянского и остальных офицеров. Морской корпус он окончил одновременно с Крузенштерном и Лисянским, но помимо Русско-шведской войны, в которой участвовали все трое, Ратманов побывал во многих сражениях эскадры Ушакова как на море, так и на суше. У него не было опыта дальних пла-

ваний в английском флоте, чем гордились Крузенштерн и Лисянский, но ему как боевому офицеру, видимо, было обидно постоянно пребывать на вторых ролях. Ратманов закончил службу вице-адмиралом в 1830 г. Через три года он умер, за 43 года службы не оставив потомству ничего, «кроме доброго имени» [Вице-адмирал М.И. Ратманов 1855: 71–85].

В кругосветном плавании Ратманов вел любопытный и крайне колоритный по стилю дневник. В нем наивные замечания об увиденном перемежаются с философствованиями и обращениями к «владычице его души» — оставшейся в России.

Этнографическая составляющая представлена в дневниках Ратманова не менее подробно, чем у Е.Е. Левенштерна. Например, описывая маркизскую татуировку, Ратманов упоминает зеленый краситель: «Живопиसेц, обмакивая инструмент в черную или зеленую краску, которою оне делают из некоторого произрастения наподобие орехов, и на означенную фигуру на теле, приставя свой инструмент, и другою палочкою колотит». Или это ошибка: Ратманов перепутал синий цвет с зеленым, или на Маркизских островах действительно существовала еще и зеленая татуировка, о которой больше никто не писал.

От живущих почти первобытным обществом аборигенов Маркизских островов до утонченных японцев дистанция огромная, однако Ратманов ко всем относился без предубеждения. Для них «хорошими» или «плохими» были не нации, а конкретные люди, поэтому добродушный «дикарь», которого «просвещенные нравы еще не коснулись», куда благороднее образованного тирана-рабовладельца. На страницах дневника М.И. Ратманов предстает как бравый морской офицер, отважный мореплаватель, человек непосредственный, со своеобразным чувством юмора и большой патриот России.

Тем более досадно было прочесть статью доктора технических наук, директора Института истории естествознания и техники А.В. Постникова в географической серии «Известий РАН» за 2004 г., где русский мореплаватель Макар Иванович Ратманов впервые в жизни был объявлен англичанином. А.В. Постников утверждает, что Макар Ратманов (кстати, потомок дьяка Адриана Григорьевича Ратманова петровских времен), «очевидно... был англичанином по происхождению», так как «в большинстве своих писем он подписывался, используя английскую форму своей фамилии — Ратмонд» [Постников 2004: 109–117].

Увы, уважаемый автор выдает желаемое за действительное. Во-первых, сама фамилия Ратманов имеет скорее немецкие корни (*нем.* Ratmann — «член совета»). В России в XVIII–XIX вв. *ратманами* называли выборных членов городских магистратов, ратуш. Во-вторых, Ма-

кар Иванович Ратманов подписывался не английской формой фамилии, а ставил титло в словах, оканчивающихся на «-ов» — там, где было мало места на странице. Поэтому столь же «очевидными англичанами» выглядят у него и фамилия «Резанов», и слова «докторов», «часов», «баранов», «предшественников» и т.д.

Можно было бы посчитать неправильно вычитанное окончание незначительной ошибкой, если бы для самого Макара Ивановича вопрос его национальности не был бы столь значимым. Он писал: «Пусть невежды сожалеют, что оне Россияне. Я ж себе счастливейшем почитаю, что магу называтца оным, ибо родшие меня были верноподъданныя отечеству». Надо полагать, Макар Иванович не потерпел бы подобного оскорбления. Но он уже сам ответил своему обидчику: «Цените любезнейшее отечество всему на свете, и, когда можна, зажмите пасти тем мерским, котория сожалеют, что оне рождены Россиянами».

Кстати, как свидетельствует дневник, М.И. Ратманов не знал английского языка. Во время стоянки в Фалмуте он вместе с лейтенантом Федором Ромбергом развлекался в леске с женами городских купцов, «мужья которых по своим комерциям отлучены». Объясняться с дамами пришлось Ромбергу, потому что ему «здешней язык доволно знаком».

Рукописное наследие Ратманова достаточно обширно и может сравниться с дневником Левенштерна. Дневник Ратманова, видимо, впервые был упомянут (но даже не процитирован) Б.Н. Комиссаровым в Вестнике ЛГУ [Комиссаров 1961]. В 1967 г. небольшой отрывок из дневника (посвященный Бразилии) был опубликован в журнале «Латинская Америка» с маленькой вводной статьей и комментариями. Дневнику не уделяли большого внимания как из-за неразборчивого почерка Ратманова, так и из-за его незавершенности.

Собственно, сохранилось три разных авторских варианта дневника, хранящихся в России и во Франции.

Возникает вопрос, писал ли М.И. Ратманов на борту «Надежды» все три дневника сразу: один — как более-менее официальный документ, а другой (или другие) — как частные заметки?

Первой, хотя вряд ли официальной версией следует считать дневник в форме морского путевого журнала, хранящийся в РГА ВМФ «М.И. Ратманов. В путешествии Крузенштерна». Этот дневник краткий — в нем 56 листов, где изложены события плавания от выхода из Кронштадта до описи Сахалина. Формат дневника — размером с ученическую тетрадь [Ратманов, РГА ВМФ. Ф. 14. Д. 149. Л. 1–56]. Он, как вахтенный журнал, разделен на графы: «Числа», «Барометр», «Суточной румб», «Плавания миль италиянских», «Широты и долготы», «Склонение ком-

паса», «Течения моря», «Ветры», «Погоды» и последняя графа журнала «Мои замечания» — в течение дней плавания она краткая, состоит из 2–3 строчек. Во время стоянок корабля Ратманов писал сплошной текст поперек разграфленных страниц.

Второй дневник, тетрадь в бумажном переплете с кожаным корешком, состоящий из 66 л., хранится в ОР РНБ [Ратманов, ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1146]. Он подробен и гораздо менее официален, но доведен только до конца пребывания экспедиции в Японии (26 марта 1805 г.). В нем отсутствуют графы, посвященные определениям широт и долгот, румбов, показаниям барометра и т.д. Этот дневник поступил в РНБ в 1939 г.

На корабле Ратманов, видимо, писал одновременно два дневника. За чем он это делал, объясняет фраза Е.Е. Левенштерна: «По приказанию Чичагова каждый офицер после окончания кампании должен представить свой журнал. Это полезное постановление; но большей частью будут представлены только копии одного и того же судового журнала. В Адмиралтействе не будет недостатка в макулатуре» [Левенштерн 2003: 394]. Участники плавания знали также, что личные журналы офицеров экспедиции Дж. Кука Английское адмиралтейство просто отобрало — их обнаружили в архивах много лет спустя. Не желая рисковать, М.И. Ратманов вел два дневника, а также делал в особой тетради копии всех писем, отсылаемых в Россию, — они также являются интересным историческим источником.

Возможно, что Ратманов начинал морской дневник в качестве официального, для сдачи в Адмиралтейств-коллегию, поэтому он переписывал в него навигационные данные из вахтенного журнала, хотя и пропустил некоторые координаты и названия островов. По 41-й лист включительно дневник выдержан в спокойно-повествовательном тоне, в нем нет ни одного упрека в адрес посла Н.П. Резанова, совершенно не упоминается о противостоянии капитана и посла на Маркизских островах и на Камчатке. Но далее, когда речь идет о пребывании в Японии, Ратманов неожиданно перешел к оскорбительным характеристикам Резанова почти на каждой странице.

После этого М.И. Ратманов, уже не относясь к своему морскому дневнику как к документу, предназначенному для отчета, продолжал его в менее официальном тоне: «Теперь наша плавание такое что уже всякому известно, кто знает читать морской вояжи и кто их разумеет — а по сему течение моря каждой день — а также и обсервованных долгот показывать не стану. — А так как будет случай и время».

Неоконченный вариант дневника из РНБ, как мне представляется, также был написан на корабле, для себя лично, и предназначался не для предъявления начальству, а для друзей. В этом варианте Н.П. Резанов уже с первой страницы объявлен «нископоклонистом».

В нем больше всего упоминаний о «дражайших» и «любезнейших сердцу» и разъяснения некоторых морских терминов, в которых (разъяснениях) сам Ратманов не нуждался: «По выходе в море на другой день получили ветер от Норд-Оста, или *северо-востока*».

Третий дневник, хранящийся ныне в Париже, в Национальной библиотеке Франции, уже попал в поле зрения публикаторов. В 1876 г. в ежемесячном прибавлении морской газеты «Яхта» начали печатать дневник, предоставленный редакции сыном Макара Ратманова, камергером Императорского двора Петром Макаровичем. Публикацию довели только до прибытия экспедиции на Камчатку [Ратманов 1876]. К сожалению, редакторская правка текста настолько исказила стиль М.И. Ратманова, что назвать эту публикацию аутентичной не представляется возможным. Редактор устранил все неправильности орфографии Ратманова, выправил его синтаксис и совершенно лишил текст оригинального колорита. Подобной же редакции подверглась и первая публикация письма Ратманова у Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» в 1804 г.

Например, М.И. Ратманов писал: «Как вдруг увидел перед собою *коралловую змию*, от меня пресмыкающуюся, тихо по желтому песку. <...> редкой колёр и едовитость ея понудели меня придавить ее *прикладом* к песку; и любоватся как ея загибами так и прекрасностию цвета...»

Под пером автора «Бедной Лизы» конкретная змея — коралловый аспид (*Micrurus corallinus*, красного цвета с черными и желтыми кольцами) превратилась в жемчужную: «Нынешний день я гулял с ружьем по берегу, задумался и вдруг увидел ползущую змею *жемчужного* цвета, прижал ее *дулом* к песку и любовался ея блестящею кожею...» [Письма русских... 1804]. Дулом ружья, кстати, вряд ли можно прижать к песку змею.

В Национальной библиотеке Франции сохранились две тетради:

1. Чистовой вариант дневника, переписанный после плавания красивым четким почерком на 52 листах. Он называется «Вояж кругом света» [Ратманов, Slave, 104]. На то, что дневник написан после плавания, указывают описки Ратманова, например: «Прибыв к острову Тенерифу что в Бразилии [*нужно: Св. Екатерине*]». Если человек пишет дневник, как и положено, день за днем, он не перепутает названия места, которое он посетил. Такая ошибка возникает лишь при механическом переписывании дневника. К тому же в этом варианте М.И. Ратманов в нескольких местах оставил пропуски для географических названий, которые в морском дневнике даны и даже вполне правильно. Видимо, автор собирался уточнить эти названия и вписать их потом или не разобрал при переписывании собственный почерк, что тоже возможно (у него были проблемы со зрением).

На датировку парижского дневника косвенно указывают его следующие отрывки:

«Голландская республика угнетена и угнетается». В 1806 г. Голландскую (Батавская) республику преобразовали в Голландское королевство во главе с Луи Бонапартом.

«Гишпания! Но она исчезла как роза от зимней стужи, и сия бывшая сильная и гордая нация, почти в подданстве щастливаго Корсиканца». Намек на события 1808 г., когда испанский король Карл IV отрёкся от престола и передал свои права Наполеону. Испанским королем стал брат Наполеона Жозеф. Таким образом, можно предположить, что парижский дневник написан после 1808 г., но не позже 1812 г., когда Наполеона уже не могли назвать счастливым корсиканцем.

Может быть, М.И. Ратманов собирался публиковать чистовой (парижский) вариант дневника или показывать его друзьям. В нем больше философских и политических отступлений, но меньше «лирических», а также смягчены многие грубые выражения, которыми был охарактеризован Н.П. Резанов в вариантах из РГА ВМФ и ОР РНБ.

В морском дневнике: «и посол наотрез сказал, что он представляет лицо перваго в свете Императора, и меня как морозом по коже подрало, что такая *скверная харя и мерская душа* может представлять лицо Александра». В парижском варианте «*скверная харя*» заменена словом «негодница».

2. Вторая хранящаяся в Парижской национальной библиотеке тетрадь на 40 листов под названием «Кругосветное плавание Крузен[штерна]» [Ратманов, Slave 103(2)], представляет собой окончание морского журнала, т.е. рукописи из РГА ВМФ. Таким образом, через двести лет две разрозненные тетради, хранящиеся в Санкт-Петербурге и Париже, соединяются, и получается полный текст первоначального журнала, который Ратманов вел на корабле.

В своих дневниках М.И. Ратманов почти не повторялся, повествуя в трех версиях об одних и тех же событиях по-разному. Его стиль настолько необычен, а построение фраз столь оригинально, что они заслуживают отдельного филологического исследования.

Орфография Ратманова отражает многие характерные особенности грамотности XVIII в., хотя их не всегда можно разграничить с его личными ошибками. Ратманов не ставил мягкий знак в корнях слов, писал частицу «не» слитно со всеми формами глагола, допускал слияние предлогов, союзов со словами: *попереговоре, изавсе* [и за все]. У Ратманова часто встречаются ошибки в безударных гласных в корне (*гасударь, касагор, сабаки*), замена «о» на «а» в начале слов (*адин, афицер*). Он путал парные звонкие и глухие согласные, шипящие звуки.

В дневниках наличествует целый пласт искаженных заимствованных слов: *албодрос* [альбатрос], *антипудов* [антиподов], *инкоглотом*, *инкоглутом* [инкогнито], *малонколия* [меланхолия], *удиенция*, *удиенция* [аудиенция]. Хорошо зная французский язык, Ратманов часто вставлял в текст почти не искаженные галлицизмы — *ретраншамент* [фр. retranchement — «окоп»], *пропозировал* [иск. фр. il a proposé — «предложил»], *репремант* [фр. repimande — «выговор»], иногда англицизмы: *шлюповар* [англ. sloop-of-war — «военный шлюп»].

Дневники М.И. Ратманова с только ему присущей авторской орфографией и синтаксисом выражают его индивидуальный и легко узнаваемый стиль. Не являясь литературным текстом, эти дневники выявляют лексическую и синтаксическую основу, на которой строился русский литературный язык XIX в., и могут служить материалом для изучения языковых процессов конца XVIII — начала XIX в. Для истории русского языка подобные полулитературные памятники не менее важны, чем сочинения признанных писателей и поэтов.

В целом, нужно подчеркнуть, что все версии дневника Ратманова ценны для науки и крайне интересны как живой голос русского человека XVIII в., повествующий о перипетиях первого российского плавания вокруг света.

Вице-адмирал М.И. Ратманов / [А.В. Висковатый] // Морской сборник. 1855. № 3. Отд. 4. С. 71–85

Комиссаров Б.Н. Бразилия первой четверти XIX в. в описаниях русских мореплавателей // Вестник ЛГУ. 1961. № 14.

Левенитерн Е.Е. Вокруг света с Крузенштерном. СПб., 2003.

Письма русских путешественников из Бразилии к господину NN (Н.М. Карамзину) // Вестник Европы. 1804. Ч. XXX.

Постников А.В. Новый источник по истории первого кругосветного плавания россиян (1803–1806 гг.) // Известия РАН. Сер. географическая. 2004. № 3. С. 109–117.

Ратманов М.И. Записки // Ежемесячное прибавление морской газеты «Яхта». 1876. № 8, 16, 18, 24.

Ратманов М.И. Вояж кругом света // Bibliotheque Nationale de la France (Paris). Departement des manuscrits. Slave, 104. Fol. 1–52.

Ратманов М.И. Журнал Макара Ивановича Ратманова. В путешествие Крузенштерна // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1146. Л. 1–66.

Ратманов М.И. Кругосветное плавание Крузенштерна // Bibliotheque Nationale de la France (Paris). Departement des manuscrits. Slave 103 (1). Fol. 1–40.

Ратманов М.И. М.И. Ратманов. В путешествии Крузенштерна // РГА ВМФ. Ф. 14. Д. 149. Л. 1–56.